
Людмила ШАРГА

* * *

Когда стихи мой дом оставят,
когда накал строки остынет,
когда душа дышать устанет
и дни осыплются пустые
листвой пожухлой
в омут быта
в убогом сереньком болотце,
я отыщу в доме забытом
веретено, чтоб уколоться,
уснуть и в тот же миг исчезнуть —
для всех сказавшись невидимкой,
чтобы во сне парить над бездной,
как на картинке — под сурдинку...
Но в зеркале — как ночь — глубоко
метнется промельк бестелесный,
когда древнейший из пороков
преодолею в битве честной.
Очнусь все там же — в старом доме,
где сны и явь перемешались.
Я в здешних зеркалах бездонных
уже давно не отражаюсь...

* * *

Каким он будет, августейший мой,
обещанный сиротскою зимой,
исполненный вселенской благодати
и тишины.
Все будет тишина.
Я стану ночью грезить у окна
и каждый день менять духи и платья.
И от забот насущных отвлекусь,
ветхозаветных яблок вспомнив вкус.
Сорву одно — мне хватит до утра,
чтобы качнулась колыбель двора

Людмила Шарга родилась в России. Поэт, прозаик, публицист. В настоящее время возглавляет отдел поэзии в литературно-художественном журнале «Южное сияние». Автор сборников прозы и поэзии «Адамово ребро» (2006), «На проталинах памяти» (2008), «Билет в осенний день» (2010), «Рукой подать...» (2011), «Повесть о падающих яблоках» (2013), «Яблоневые сны» (2014), «Ночной сюжет новостей» (2015), «Невыдуманные рассказы о настоящем» (2017), «Мне выпал сад» (2019). Живет и работает в Одессе.

и вздрогнула свеча пред образами.
Чтоб вспомнить росчерк падающих звезд
и тихий голос птицы-алконост...
Каким он будет,
кровник,
серпень,
зарев,
властитель темных и холодных вод,
дозволивший вкусить запретный плод.
Вода живая, мертвая вода —
он будет добр и щедр,
он, как всегда,
вознаградит меня по-королевски.
И я успею засветло домой —
в ковчег двора,
в котором над зимой
плыла под парусами занавески,
где в пламени свечи у поставца
не меркнет свет любимого лица.

* * *

Памяти Анны Сон

Господи, ей бы жить да жить,
по вечерам в зеркала смотреться.
Видеть, как свет от свечи дрожит
в такт биению сердца.
Длинными платьями — в пол — шуршать
и обнажать прекрасные плечи,
и, замерев у окна, не дыша,
слушать июльский вечер.
Господи... ей бы еще писать,
тонкой рукою строки касаться,
голосом чистым других спасать,
да и самой спасаться...
Что же Ты лучших к себе берешь,
всклень наполняя чашу горя.
Легкая смерть, говоришь...
Ну что ж.
Мне ли с Тобою спорить.
Мне ли чужую судьбу решать...
И остается молчать у портрета,
где отразилась ее душа
горним неярким светом.
Стало темнее в Твоем саду,
сбилась давно, на каком кругу я.
Август звезду, как свечу, задул
и не зажег другую.

* * *

Этот август будет похож на сон,
и смешает и голоса, и взгляды,
подойдет бесплотной тенью босой,
опоит беззвучия сладким ядом.
Виноград темнеет, тучнеет тля,
мчится Третий Всадник, коня прищпорив,
и высок последний полет шмеля
над холодным морем.
Небеса вечерние так темны,
что и самой ближней звезды не сыщешь,
и восходит Марс над тропой войны,
а за ним кострища да пепелища.
Я туда ни взглядом и ни ногой.
Я давно иду стороной — по краю,
и когда темнеет звезда Алголь,
камни собираю.
Там, где светит белая тень — луна,
там, где светит месяц да светит ясен...
Этот август выпьет меня до дна
и вздохнет: ступай себе восвосяси.
А кому-то ягоды да грибы,
огурцы соленые да веселье...
Не девичьим ликом — лицом рябым,
одноглазым лихом придет похмелье.
Ни избы чужой — ни судьбы другой,
никогда чужбина не станет в радость...
Но светлеет лик у звезды Алголь.
Так проходит август.

* * *

Если с утра стихи — то потерян день
где-то в пробелах строчек и междустрочий.
Писаны все слова вилами по воде —
каждое слово — круг — берег и камень точит.
Если с утра стихи, все равно — что там,
первый ли день — седьмой ли —
осколки буден.
Что там берет Мирьям в руки свои — тимпан,
флейту, иль тамбурин, или обычный бубен.
Если с утра стихи, то земля — прощай,
может быть, до утра иль до скончанья лета.
Что там в руках Мирьям, бубен или праща?
Летние льют дожди —
сходит на землю Лета.
Если с утра стихи — то сочтутся дни
словом, строкой, строфой — или стихом Псалтири.

От возвращенья будет внутри саднить —
сколько же лет меня не было в этом мире.
Так же безумен он, нежен, жесток и рьян,
так же от боли и от любви здесь плачут.
Вместо тимпана колыт в тонких руках Мирьям,
да и зовут ее люди теперь иначе.

ТРАВА-КЕРМЕК

На перепутье троп земных,
по руслам древних рек
посланником миров иных
летит трава-кермек.
Летит, не ведая преград,
ни плющ — ни дикий виноград —
ни по ветру слова —
перекати-трава.
Никто не сеет ту траву,
не косит и не жнет,
по волшебству — по ведовству —
сама собой растет
и помнит рощи и леса,
где по утрам ее роса
была — как снег — бела...
И как она цвела.
Дул суховой
и день-деньской
траву испепелял,
и истончался дух людской,
и след людской петлял...
И так — с обрыва — на обрыв
летели жизни и миры,
на чей-то зов спеша...
А в них моя душа.
Что поле ей — перекати,
Что море ей — переплыви.
Что небо ей — перелети.
Что день ее — мой век.
Она — трава-кермек.